

В ТЕАТРЕ шла сказка для детей и взрослых «Черный ворон». По ходу действия должна была появиться большая черная птица. И вот птица летит через всю сцену, широко размахивая крыльями, — совсем как настоящая! В зале раздаются аплодисменты...

Не такой уж частый случай в театре: публика аплодирует не актерам, удачно сыгравшим сцену, не художнику, оформившему спектакль, а человеку скромной театральной профессии — бутафору.

Василий Маркович Гончаренко, старший бутафор Калининградского драмтеатра, хорошо помнит тот случай с птицей (кстати, в «Черном вороне» ему аплодировали дважды — второй раз, когда на сцену выезжал арабский конь, у которого открывалась пасть и шевелились горящие глаза...), и дорожит этим воспоминанием, хотя времени с тех пор ушло немало. Ведь куда чаще приходится ему делать вещи, которые так органично вписываются в ткань спектакля, в костюмы актеров, что мы, зрители, просто их не замечаем.

А птица с резиновыми крыльями (благодаря этому они так естественно трепыхались) и голова арабского коня лежат на самой верхней полке высокого, во всю сте-

ну стеллажа, в бутафорном цехе...

Чего только нет на том стеллаже! Наверное, можно часами рассматривать собранные там диковинные вещи и скучать не придется! Старинные канделябры и какой-то ультрасовременный фантастической конструкции аппарат, королевская корона и каска солдата времен крестовых походов, бюст велико-

тепло и торжественно отпраздновали юбилей Василия Марковича. Ему исполнилось 50 лет, 35 из которых отданы театру.

Пятнадцатилетним подростком пришел он в бутафорный цех Свердловской оперетты. Его приняли учеником. Собственно говоря, выбор был случайным: дела дома шли трудновато, и сестра-актриса пристроила

его его спектакля. Театральное искусство отпало изрядный путь. Скрупулезно-реалистическое оформление сцены с его точным воспроизведением подробностей быта уступило место условности, схеме. Бутафору теперь реже приходится «одевать» цветущие кусты и деревья, делать лепные украшения. Но зато усилились требования к точности, простоте,

А прыжки на туфлях, а тяжелые, богатые пояса?.. Василий Маркович просил меня не выдавать секрета, из чего он их делает: он боится, что прозаическое происхождение материала может разрушить веру, очарование зрителей, которые видят перед собой подлинное убранство рыцаря или королевы, не подозревая, из чего оно.

Секрета не выдам. Скажу только, что в его руках преобразуются, вдруг находят свою вторую жизнь самые неожиданные, примелькавшиеся нам предметы, от старого детского велосипеда (на двух из трех его колес однажды развезжала Баба Яга в телевизионном спектакле) и до обыкновенной рыбачьей сети. Сверкают и переливаются на сцене фужеры из... белой жести, украшенной кусочками латуни (не только красиво, но и удобно — не бьется). Горят драгоценными камнями кусочки стекла. А аппетитный пирожок из палье-маше однажды чуть было не раскусил один проголодавшийся актер...

В работе бутафора очень важна точность: придирчивые зрители тут же заметят оплошность. И как бы ни был опытен Василий Маркович, он не перестает постигать и учиться. Нужны были «электронные аппараты» для «Гроссмейстерского балла», и Гончаренко идет на завод. Сейчас он по вечерам листает книги о Вьетнаме — на подходе спектакль «Вьетнамская баллада».

Работы Василия Марковича можно увидеть не только в театре. Кто был в краеведческом музее, вероятно, с интересом рассматривал панорамы «Первые советские танки в Кенигсберге», «Природа Калининградской области» — и то, и другое делал Гончаренко.

Но главное, конечно, — театр. Здесь вся его жизнь, здесь и радости, и огорчения, и надежды.

И. КОЛЬЦОВА

БУТАФОР

го композитора и мещанский абакюр с кистями и бантами, смешные, упитанные ангелы и наводящие страх кривые разбойничьи ножи, часы с завитушками, иконы, кольчуги, автоматы, блюдо с заливным поросенком... Все эти молчаливые участники старых, сошедших со сцены, порой совсем забытых спектаклей, изрядно в свое время поработавшие и оттого потертые, побитые, — живое свидетельство неистощимой фантазии и искусного мастерства бутафора.

Чтобы сделать эти вещи, надо быть одновременно художником и лудильщиком, скульптором и столяром, токарем, чеканщиком, ювелиром и... изобретателем. Вот уж поистине уникальный случай, когда в одном человеке должны сочетаться черты, свойственные людям искусства, и золотые руки мастерового. Василий Маркович Гончаренко — один из редких примеров такого сочетания. У него тонкий вкус, богатое воображение, и в то же время трудно представить себе мастеровую работу, которая была бы ему не по силам. Прибавьте к этому верный глаз художника, огромный опыт и, что особенно важно, — горячую любовь к театру.

Недавно товарищи очень

брата туда, где нашлось место. Но случай оказался счастливым. Мальчишка, которого с детства тянуло то к листу бумаги и краскам, то что-то конструировать, соорудить (в четвертом классе он на радость и потеху детворы всей округи смастерил деревянный велосипед), нашел в шумливых, полных таинств театральных мастерских свое призвание и остался верен ему на всю жизнь.

У него были замечательные учителя: Борис Михайлович Рогожников и Николай Александрович Серников. Оба — мастера, чьи имена известны в театральном мире. Они научили его «одевать» грубую фанерную основу, чтобы она превращалась то в экзотическую пальму, то в роскошную скульптуру. Они передали ему не только тайны своей непростой профессии, но и любовь к искусству. Через четыре года он уже сам заведовал бутафорным цехом и знал массу мельчайших примет стилей разных эпох и народов, из жизни которых игрались спектакли в театре.

С тех пор немало воды утекло. Василий Маркович служил в армии и закончил войну на Дальнем Востоке. А когда в новом городе Калининграде открылся театр, он готовил реквизит для перво-

изыску тому, что выходит из его рук.

— Посмотрите, нравится? — Василий Маркович протягивает мне крошечный красный ящичек, внутри которого искусно воспроизведено устройство магнитофона. — Во «Вьетнамской балладе» с ним будет работать Алла Потапушкина, она играет разведчицу, — объясняет он. — Хочется сделать такую вещь, чтоб и актрисе приятно было взять ее в руки и чтоб зрители не только поверили, что она настоящая, а и позаминовали.

Вешица и вправду хороша.

А Василий Маркович вспоминает, как однажды угодил заслуженному артисту С. В. Клементьеву, сделав красивый ларец для спектакля «Мария Стюарт». Клементьев-герцог с этим ларцем приходил к королеве, и богатая вещь помогала ему в игре.

Василий Маркович особенно любит оформлять спектакли, воспроизводящие старинные времена или сказки. С ними, конечно, много хлопот, зато интересно! Когда ставили «Ричарда III», ему надо было двадцать шесть человек одеть в кольчуги и «вооружить». Полтора месяца по 15 часов в день не уходил мастер из цеха — «ковал» «латы» и «шпаги».

Художник-бутафор Василий Маркович Гончаренко. Фото О. Мансимова.